

Марк Любомудров

Мой рафтинг

Рафтинг является экстремальным занятием, предполагая определенную долю риска для жизни и здоровья участников.

Из энциклопедии

Уже почти столетие сапог русофоба-окупанта топчет Русскую землю, сея дыхание смерти. «Мы долго молча отступали...». Нет, мы не забыли ничего из нашей истории, из того, что с нами было в минувшем веке. Палаческий сапог русофоба оставил неизгладимые рубцы в нашей Памяти. У каждого из современников Великого Русского Поражения (будем мужественными — признаем, что это так!) — своя память, личный счет унижений, оскорблений, ударов, смертей и борьбы. Никого не обошла трагедия Родины (о вырождаках, т.е. вышедших из рода, я не говорю). Мы знаем: кровавая русофобия XX века началась с расстрелов по спискам членов Союза русского народа и массового уничтожения православного духовенства и других элитных слоев населения.

Я — русский православный националист. И был таковым от рождения. Мое мировоззрение было предопределено генетически. По счастью, мне не надо было учиться, чтобы распознать русофобию и русофоба. Всю жизнь я ощущал упертые мне в грудь кованые подошвы его сапог. Мой счет — все с того же, рокового семнадцатого. Полчища осатаневших мародеров «в пыльных шлемах» и кожаных куртках опустошили мои родовые гнезда в первые же месяцы после прихода их к власти. Это их сапоги пинали бездыханное тело моего ярославского деда-священника, расстрелянного латышско-большевистским зве-

рем только за то, что он был ревностным исповедником православия и до смерти остался верен своему пастырскому долгу (в 2000 г. Архиерейский собор РПЦ канонизировал его как св. новомученика). Палаческий русофобский след и на судьбе его вдовы, моей бабушки — лишенная всех прав (был и термин такой — «лишенцы»), она с лихвой познала зловещие порядки совдеповских тюремных казематов. Реквизировали все, достигнутое трудом и талантом, уморили голодом и холодом другого моего деда — петербургского.

Беспощадная русофобская дубина разбила жизнь моего отца, безвинно брошенного в сталинскую тюрьму по знаменитой 58-й статье (контрреволюционная деятельность). Выжил — чудом. По ночам не давали спать, гнали на садистски-изнурительные допросы. А вся «вина» его заключалась в том, что он был высокопорядочным и нравственно не сломленным человеком. И под пытками он не подписал ни одного из приписанных ему обвинителями измышлений. Отец рассказывал мне, как, потрясая кулаками, следовательно орал: «А почему вы не аплодировали на общих собраниях, когда объявляли о смертных приговорах врагам?» (по процессам 1930-х годов).

За лакированное голенище оккупанта-русофоба совались остатки фамильных драгоценностей нашей семьи, когда моя мать несла их в торгсин, отдавая за продукты, чтобы спасти своего младенца от голодной дистрофии. Отдала ведь и свое золотое обручальное кольцо...

Такова была политика, избегнуть которой не было дано русским людям.

Тяжесть и наглую русоненавистническую беспощадность большевистского режима я хорошо знал со школьных еще лет. По окончании выпускного 10-го класса по всем предметам в году в моем табеле не было ни единой даже четверки, одни пятерки. Но квоту по медалям распределили таким образом, что вместо золотой мне присудили серебряную. Этническая подоплека подобной дискриминации для меня тогда явилась вполне очевидной. И такая несправедливость была глубоко оскорбительной.

Свинцовая политическая атмосфера давила меня тем сильнее, чем больше и неотступнее я размышлял о России, ее судьбе и стремился ей послужить. Эту тяжесть чувствовали и многие из моих сверстников и единомышленников. Трудность нашего становления усугублялась тем, что в стране были затоптаны все источники правильных знаний, запечатаны интеллектуальные кладовые (спецхран!). На моих глазах неоднократно выталкивали вон и захлопывали двери учреждений и редакций перед национально и государственно мыслящими русскими людьми, нередко очень одаренными.

* * *

Мой профессиональный путь после окончания искусствоведческого факультета Ленинградского театрального института им. А.Н. Островского долгие годы был связан с Институтом театра, музыки и кино (ЛГИТМИК). Много сил отдавал я и общественным движениям национально-патриотической ориентации, сблизился и тесно сотрудничал с участниками московского т.н. «русского клуба» (В.В. Кожинов, С.Н. Семанов, П.В. Палиевский, М.П. Лобанов, О.Н. Михайлов, А.Г. Кузьмин и др.).

В своей творческой деятельности я руководствовался доминантными для русской культуры критериями — реализма, национальной самобытности, духовной и нравственной содержа-

тельности искусства. Такая позиция со временем (особенно в 1970–1980-е гг.) встречала все большее сопротивление и нападки со стороны русофобски и космополитически ориентированных театрально-литературных кругов. Вокруг моих трудов, книг и статей возник фронт борьбы, стали множиться статьи, отзывы, письма — в них резко критиковалось не только мое творчество, но прежде всего — идейно-политические позиции.

Эти атаки во многом опирались на официальный политический курс, проводимый КПСС. Здесь уместно напомнить о погроме журнала «Молодая гвардия», который был трибуной русских патриотов, о злобно-русофобской статье «Против антиисторизма» кремлевского выкорыща А.Н. Яковлева, о настойчивых преследованиях спецслужбами КГБ русских националистов (аресты и лагерные сроки В.Н. Осипову, А.И. Бородину и др.). Ведомство Ю.В. Андропова являлось гнездом воинствующих русофобов. Сам Юрий Владимирович был постоянно озабочен едва ли не главной целью — раздавить ненавистных ему «русистов».

В художественной среде, где осуществлялась моя творческая деятельность, отчетливо обозначились две противостоявшие друг другу силы — национально-русская (неуклонно сокращавшаяся и третируемая) и клан представителей «малого народа» (по терминологии Кошена–Шафаревича). В театральном мире русофобская группировка постепенно достигла полной гегемонии, захватив многие ключевые кадровые позиции (в режиссуре, театроведении, педагогике, Всероссийском театральном обществе — ВТО и т.п.) и создав касту неприкасаемых имен. И потому каждое независимое суждение, оценка, позиция были заведомо обречены на противодействие.

Публикация моего очерка о Вс. Мейерхольде (Режиссура в идейной борьбе 1930-х годов // Из истории русской советской режиссуры 1930-х

годов: Сб. Л., АГИТМИК, 1979) с вполне объективной оценкой этого лидера российских авангардистов, воинствующего русофоба и безбожника вызвало бурю протестов со стороны его поклонников.

Журнал «Театр» (1980, № 11) напечатал «Письмо в редакцию», в котором мой очерк подвергался безоговорочному осуждению. Меня обвинили в «явном искажении» портрета режиссера, в «огульном шельмовании», в «возрождении тенденциозных догматических оценок», в небрежении «указаниями партии». Был и намек на использование служебного положения: публикация, мол, была «облегчена тем, что автор является заведующим сектором театра и отв. редактором сборника», где появилась моя статья. По сути это письмо явилось деликатно оформленным политическим доносом с приглашением к оргвыводам. Калибр письма был многократно усилен именами подписантов: целое созвездие народных артистов СССР, заслуженных деятелей, докторов наук — Г. Товстоногов, О. Ефремов, И. Ильинский, Э. Гарин, В. Плучек, Е. Симонов, С. Юткевич и другие, всего 11 подписей. По странной закономерности — на которую я не мог не обратить внимания — начиная с 1980 г. участники этого деяния по одному в год ушли из жизни...

Признаюсь, меня озадачила подпись О. Ефремова. Я написал ему письмо, где выразил свое удивление, тем более что в той же статье, наряду с оценками Мейерхольда, выражалась поддержка «реалистической школы МХАТ и наследия его корифеев». Ефремов ответил мне: «Статью Вашу я решительно не принимаю ни как человек, ни как художник, ни как руководитель МХАТ». Я тогда не знал, что мировоззренчески он был (по собственному его признанию) чужд «русофильству».

Почти одновременно (1 августа) появилась и публикация народной артистки СССР Ангелины Степановой

в «Правде» с аналогичной критикой: «Предвзятость по отношению к современности... автор пытается принизить значение творчества советского режиссера-коммуниста Вс. Мейерхольда».

Неудачей завершилась моя попытка ответить на «письмо» на страницах самого же «Театра». Его главный редактор А. Салынский сообщил мне: «Редакция журнала разделяет мнение группы театральных деятелей... и потому не может принять Ваше предложение выступить с ответной статьей». «Театр» уже давно являлся трибуной клановых сил, непримиримых к любому инакомыслию

Тогда, в 1980-м, эта история как-то «сошла мне с рук». Но после прихода к власти тандема М. Горбачев — А. Яковлев «малому народу» была предоставлена полная свобода действий. И русофобия стала стремительно набирать обороты. Наши противники действовали грамотно, стремительно и беспощадно. Прежде всего Яковлев провел массовую кадровую зачистку в руководстве средствами массовой информации. Устранялись деятели с русской ориентацией. Не стали исключением и другие сферы культуры. Так подошел и мой черед.

К этому времени враждебность к моим работам стремительно возрастала. Она особенно усилилась после выхода в свет моей книжечки «Судьба традиций» (1983) и статьи «Театр начинается с Родины» (Наш современник. 1985. № 6). В них критиковались безыдейность, нравственная ущербность и русофобские тенденции в современном театре. В этом же ряду находилась и моя книга «Размышления после встречи» (1984).

Нападки на мои сочинения приобрели лавинообразный характер. С непримиримыми оценками, нередко в погромном стиле выступали Г. Товстоногов, М. Розовский, М. Ульянов, В. Плучек, Ю. Темирканов, В. Арро, В. Смехов; критики и искусствоведы

Ю. Лукин, В. Озеров, Ф. Чапчахов, И. Дедков, Вит. Вульф, В. Оскоцкий, К. Щербаков, М. Золотоносов, А. Ниннов, А. Урес, Ел. Щеглова; доктора искусствovedения П. Марков, М. Котовская, Ю. Дмитриев, А. Гаккель и даже небезызвестные Кукрыниксы. Доносительским письмом отметилась секретарь комиссии по наследию Мейерхольда М. Валентай. Некоторые тексты направлялись прямо в ЦК КПСС, в частности секретарю по идеологии М. Зимянину, в Госкомитет по радио и телевидению и, конечно же, ректору АГИТМИКа, где я работал, Н.М. Волынкину. Позднее, в телевизионной программе «Взгляд», которая брала у меня интервью, ее ведущие в эфире назвали меня «известным черносотенным погромщиком», допустив до экрана 55 секунд из пятнадцатиминутного интервью.

«Глубокое возмущение» моих оппонентов вызывало утверждение, что Мейерхольд не чувствовал национальной самобытности русского искусства, одевал его в «чужестранные одежды»; как о вопиющей крамоле писали — «главная цель критика в том, чтобы противопоставить “кочевнический дух” Мейерхольда — “национальной почвенности” Станиславского, русскую школу реализма “иным национальным тяготениям” Мейерхольда». Меня обвиняли в «глубоком невежестве» и «крайней тенденциозности», а также в «крикливом, сенсационном тоне».

Не имея научно и логически обоснованных аргументов для опровержения моих оценок, критериев и взглядов, противники прибегали к хорошо обкатанным и привычным для них приемам фальсификации художественного процесса, политической дискредитации, приклеиванию ярлыков с обозначениями идеологической неблагонадежности, забвения марксистско-ленинских принципов, «чуждости советской идеологии», отсутствия «классового подхода», «интернационализма»,

«устремленности к коммунистическому идеалу» и т.п. А. Герцен в свое время называл подобное «полицейской точкой зрения».

Конечно, стали появляться у меня и сторонники, хотя и весьма немногочисленные. Помогали журналы «Молодая гвардия», «Наш современник», «Огонек» (до появления там В. Коротича), давая возможность печататься. В профильно-театральных изданиях двери для меня были закрыты. Заперты наглухо. Дорогим для меня явился автограф Валентина Распутина на подаренной мне книге его повестей и рассказов: «Марку Николаевичу Любомуудрову с поклоном за его статьи о театре, и не только о театре — о России и о нас, россиянах, — искренне В. Распутин. Март 1986». Благодарен я и печатно поддержавшим меня тогда И.О. Горбачеву и С.Ф. Бондарчуку.

Поддерживал меня и композитор Георгий Свиридов, с которым я находился в переписке и имел несколько встреч. Он ясно видел государственнические корни русофобии. Свиридов писал, имея в виду и мою судьбу: «Раньше травлю (в которой не стеснялись ни в выражениях, ни в справедливости и доказательности обвинений) инспирировали руководящие организации путем соответствующего постановления или личного указания (например, в речи или выступлении). И в такой травле участвовали видные деятели искусства, литературы или науки и т.п., создавая видимость общественного мнения. Теперь же государство, инспирируя подобную травлю (как например травлю талантливого, честного критика М. Любомуудрова), стоит как бы в стороне, а деятели определенного толка расправляются с критиком, высказавшим неудобные взгляды, поливают его грязью, клеветают, выгоняют с работы».

Эта дневниковая запись была опубликована уже после смерти композитора в его книге «Музыка как судьба».

* * *

Тем временем мой рафтинг, который я проходил в одиночку, вступил в полосу, где поток стал неистово бурным, с обилием валунов, крутых поворотов и обрывов.

С укреплением на вершине власти антирусского тандема изменников Родины Горбачева–Яковлева у моих врагов руки были развязаны. Как мне было известно, по отмашке Яковлева (о чем шепнул мне на ухо, выйдя из кабинета в коридор, один из министерских руководителей) начали кампанию по изгнанию меня из института.

Мои противники энергично взялись за работу. Действовали по хорошо обкатанной в совдеповские времена схеме: прежде чем совершить «жертвоприношение», надо истерзать жертву проверочными комиссиями с заранее предуказанными оценками и выводами. Весь 1986 г. одна за другой создавались «комиссии». Они состояли из надежно ангажированных сотрудников, которые хорошо знали, зачем их нанимают и что надо делать. Были комиссии партийная, министерская, межвузовская, межсекторальная и другие. Все они пришли к единодушному итогу: деятельность театрального сектора развалена, и все свидетельствует о полной профессиональной непригодности и творческой несостоятельности руководителя. Авторы этой провокационной, клеветнической кампании быстро «забыли» о том, что годом ранее ученый совет института единогласно переизбрал меня на очередной пятилетний срок работы, а деятельность сектора получила высокую оценку.

Помимо комиссий меня ежемесячно (а порой и чаще) прорабатывали на партийных и иных собраниях, нагнетая шельмующую истерию и накапливая обвинения — в антипартийности, в подрыве устоев советского марксистского искусствознания и даже с намеками на самый ужасный «грех» — русский национализм. Доносами были

завалены обком партии, Министерство культуры, даже и ЦК КПСС.

Стиль происходившего хорошо передает не так давно опубликованное «Петербуржским театральным журналом» (2008. № 4) письмо режиссера С. Добротворского своему коллеге: «В институте был исторический ученый совет, на котором четыре часа топтали известного Вам Марка Любомудрова. Самые целомудренные эпитеты звучали как “черносотенец”, “антисемит”, “ортодокс”. Все четыре часа Любомудров сидел в первом ряду и ел грейпфрут. Зрелище, скажу я Вам, захватывающее...»

Я и мои сторонники в составе сектора придерживались взглядов, традиционных для русской классической культуры, — приверженности принципам реализма, психологической достоверности искусства, приоритетности его нравственно-просветительского предназначения. Мы разделяли эстетику и идейные установки корифеев МХАТа, в частности кредо Станиславского, который полагал, что самое важное в творчестве — раскрыть и передать «жизнь человеческого духа», а его соратник Немирович-Данченко призывал к «театру мысли», к «мужественной простоте», с которой необходимо «претворять большие идеи спектакля».

Чтобы пресечь эту национально-самобытную художественную линию, руководству института сильные мира сего (понимай — «архитекторы перестройки») предписали убрать меня с должности. Для этого придумали «досрочное переизбрание»... В сущности, это была образцовая русофобская атака на исконные устои и ценности русской национальной цивилизации и культуры.

В марте 1986 г. на заседании ученого совета меня забаллотировали при соотношении голосов: 31 — за отрешение от должности, 7 — против. Выступавшие члены совета А.Я. Альтшуллер, Ю.А. Смирнов-Несвицкий, С.К. Бушueva прямо говорили, что Любомудрова

необходимо убрать за «чуждые взгляды». Через месяц ректор В.П. Яковлев подписал приказ — уволить в связи с «профессиональной несостоятельностью».

Когда я вспоминаю об этих событиях, на память приходит одна из раздраженных телеграмм Ленина в Реввоенсовет Республики: «Что за слабость? Национальная черта русского человека — не может добить врага». Вот уж современному «малому народу» такого упрека не сделаешь. И нам есть чему от них поучиться.

Почти одновременно противник предпринял еще один демарш против строптивного «чужака». Скрытно от меня провели исключение из членов Союза театральных деятелей (ранее — ВТО), в котором я состоял с 1961 г. Я узнал об этом не сразу и из случайного разговора. Все мои попытки дознаться у чиновников о причинах такого решения успеха не имели. В Москве мне отказались показать стенограмму заседания, на котором меня исключали. Но протокол заседания бюро секретариата Правления СТА РСФСР мне все же дали подержать в руках. На несколько мгновений, но мне этого оказалось достаточно.

Я узнал, что мне инкриминируют нарушение п. 10 (раздел 3) Устава, где говорилось, что член Союза «всей своей творческой деятельностью должен отстаивать и развивать высокие этические традиции русского советского и мирового сценического искусства, изживать в своей среде премьерство, ложь, лицемерие, угодничество, комплиментарность, групповщину, любые проявления национализма и шовинизма». Далее в протоколе значилось: «Комиссия и секретариат единодушно пришли к выводу, что своей деятельностью на страницах печати тов. Любомудров М.Н. нарушает этот пункт устава».

Заседание происходило 15 марта 1988 г. под председательством народного артиста СССР М.А. Ульяно-

ва. В голосовании за мое исключение приняли участие и проявили полное «единодушие» народные артисты СССР Ю.К. Борисова, Э.А. Быстрицкая, В.В. Васильев (будущий худрук Большого театра), В.К. Васильева, В.С. Лановой, Р.Д. Нифонтова, известные режиссеры Б.А. Покровский, В.В. Фокин, А.В. Бородин, Б.А. Морозов, драматург А.И. Гельман и, разумеется, «главный эксперт СТА РСФСР» А.Я. Рубинштейн. Как видим, против неисправимого «шовиниста» и раскольника Любомудрова в очередной раз применили артиллерию самого крупного калибра...

После этого я попросил о встрече с руководителем СТА М.А. Ульяновым. Такая беседа состоялась. К моему удивлению, Ульянов встретил меня в окружении трех «телохранителей» — А.И. Гельмана, А.В. Бородина и сотрудника аппарата СТА В. Урина. Наша дуэль состоялась в соотношении один к четырем... Фонограмму этой беседы я позднее опубликовал в еженедельнике «Русский вестник» (1997. № 2–4). Меня обвиняли в стремлении расколоть СТА, в поисках некоей «касты, злых сил, которые опасны для будущей истории России».

Из текста М. Ульянова: «Вы утверждаете, что в том, что с нами происходит, виновата каста, захват определенными националами действующих мест. Вы только пока об этом не говорите четко —... спасай Россию! Но в общем позиция такая у Вас есть... Мы в Союзе всячески выкорчевываем все разговоры о кастовости, в особенности о некоей размытости русского начала» и т.п. Более радикален был Гельман, который прямо заявил: «Ваши взгляды — вне спора, эта позиция просто аморальна». Он же пытался уговорить меня покаяться и отречься от своих «взглядов», тогда, мол, мы вас восстановим в СТА.

Через неделю после этого разговора в газете «Советская культура» (1988. 16 апреля) появилось интервью

с М. Ульяновым, где были повторены прежние обвинения в «шовинизме», «национализме» и «нетерпимости» (!! — М.А.), имевших место «в течение многих лет». Главный пункт приговора сводился к следующему: «При этом в своих выступлениях он все время намекает на засилье в русском театре чуждых ему художников нерусской национальности, вносящих в наш театр преднамеренную “порчу”».

(Если у вас, уважаемый читатель, возникает вопрос, существует и существовало ли в российском театре «засилье» лиц «нерусской национальности» — откройте справочник СТД и получите исчерпывающий ответ.)

* * *

Между тем маршрут моего рафтинга сделал неожиданный зигзаг. Мой одинокий челн стремительно несся в бушующих, ядовитых потоках русофобии. Иногда казалось, они вот-вот опрокинут его... Меня уволили из ЛГИТМИКа с «волчьим билетом». Однако в этот момент неожиданно я получил приглашение от В.А. Чернушенко, ректора Ленинградской консерватории, — поступить к ним в научно-исследовательский сектор. Поразившись его смелости, я с благодарностью принял приглашение. Два года я трудился на поприще музыкальной социологии. Вместе с тем я уверен, что эти два года Чернушенко вспоминает как чудовищный кошмар, ибо за то, что он принял меня на работу, местный клан «малого народа» подверг его свирепому преследованию. Незамедлительно потоки клеветы обрушились и на меня. Злобствующие русофобы развязали против меня очередную кампанию травли.

Консерваторская газета «Музыкальные кадры» (1988. 22 ноября) опубликовала некоторые из доносов-обличений, с которыми мои противники обращались в разные инстанции. Менее чем через месяц в партбюро консерватории поступило протестное

заявление, в котором утверждалось, что мое присутствие в этом учебном заведении позорит его. Был перечислен хорошо знакомый мне набор обвинений: якобы я пропагандировал «шовинистическую идею: русским искусством должны заниматься лишь люди, чистые в расовом отношении»; мое имя служит «синонимом реакционных тенденций в искусствознании», будто бы я причастен к «позорному движению... пресловутой “Памяти”»; мои статьи содержат лишь «весьма примитивные и консервативные оценки», а деятельность в целом «носит антипатриотический характер». Письмо завершалось призывом уберечь «репутацию Ленинградской консерватории от темного пятна!».

Считаю полезным назвать авторов, преподавателей консерватории, подписавших этот грубоклеветнический документ: н. а. СССР, профессор Ю.Х. Темирканов; профессор В.А. Успенский, А.А. Лазько, И.А. Мусин; доктора искусствоведения Л.Е. Гаккель, А.Г. Данько; заслуженный деятель искусств М.Г. Бялик; композитор Г.И. Банщиков. Разумеется, партбюро отозвалось соответствующим партийным традициям образом, указало ректору — коммунисту Чернушенко на неправильную практику принятия ответственных решений без учета общественного мнения». И тотчас была образована комиссия (!) по проверке работы научно-исследовательского сектора.

Все очень знакомо: опять фальсификация фактов, отсутствие доказательств, использование в качестве жупелов всякого рода ярлыков, акцент на политической стороне обвинений. И главное — жажда карательных мер, призыв к оргвыводам. Стратегическая цель подобной людоедской практики весьма прозрачна: инакомыслящий должен быть уничтожен, а взгляды его упразднены.

Идеология «малого народа» диктовала монополию одной точки

зрения. Я бы назвал ее либерально-космополитической по фразеологии, и воинствующе русофобской по сути. В своем ответе «Кое-что о “традициях высочайшей порядочности”» (Музыкальные кадры. 1988. 29 декабря) я напомнил о типичном методе партноменклатурных репрессий совдеповского времени, которые исследовались многими русскими писателями. В частности, в романе гениального Андрея Платонова «Чевенгур», герой которого, «человек с международным лицом» Копенкин, подобно консерваторским профессорам, действовал без колебаний: «Мое дело — устранять враждебные силы. Когда все устроено — тогда оно само получится, что надо».

Напомнил я и мнение по поводу сходных дискуссий той поры писателя В. Распутина. Обличая подложный характер антирусских выпадов, он писал: «Взятый мстительно и дружно жупел с русским национализмом — это бессовестная подделка». Я и сам не раз убеждался в абсолютном бесстыдстве своих противников. Господствовала всеиспепеляющая (можно бы сказать — лютая) ненависть к русским началам. Нормальной научной полемики здесь и быть не могло. Ибо искали не истину, а жаждали одного — скорейшей расправы над оппонентами. Русофобам — плюнь в глаза — божья роса...

Одновременно систематическому шельмованию подвергли и Чернушенко. Мне было жаль его. Под натиском консерваторских русофобов он в свое «оправдание» говорил на ученом совете: «Но посмотрите, я же недавно принял в штат пять евреев. А с Любомудровым я даже ни разу не встречался». Что было сущей правдой. Мои неоднократные попытки попасть на прием к ректору ни разу не увенчались успехом. В конце концов через третьих лиц Чернушенко попросил меня подать заявление об уходе. Я, конечно, его тут же подал.

Так завершился консерваторский этап моего рафтинга.

* * *

1980-е оказались чрезвычайно насыщенными — событиями, встречами, столкновениями, напряженной общественно-политической жизнью и острейшей борьбой — взглядов, концепций, группировок. Усилился процесс размежевания — идеологического, эстетического, политического и отчасти этнического. Главным критерием явилось отношение к России, к русскому народу, к нашему историческому и культурному наследию. Все более отчетливым становился ярко выраженный русофобский характер и пафос либерально-космополитического направления. И в этот период, еще с начала 70-х, по компетентному свидетельству А.И. Солженицына (в его замечательной книге «Двести лет вместе») еврейский «разгон против русского — всё набирался».

С другой стороны, в духовном пространстве общества стремилось утвердиться русское национально-патриотическое направление, в задачи которого входило возрождение отечественной культуры, классических традиций в литературе, музыке, живописи и других сферах жизнедеятельности народа. Крепнувшее русское национальное самосознание искало путей отстоять свое лицо.

В эту пору сфера моих интересов сместилась в область литературной жизни. Вместе с небольшой группой литераторов я участвовал в попытке оздоровить деятельность ленинградской организации Союза писателей России. Мы повели борьбу за то, чтобы выделиться в самостоятельную ячейку, стать независимыми от тогдашнего писательского руководства. Дело в том, что городская организация в подавляющем большинстве состояла из евреев, многие из которых были настроены русофобски. При их поддержке руководство осуществляло антирусскую

дискриминацию — в приеме новых членов, утверждении издательских планов, творческих поездок, вечеров, разных привилегий.

Чтобы не быть голословным, приведу наблюдения писателя В.Ф. Козлова, который некоторое время был в составе литературской ревизионной комиссии. Он свидетельствовал: «При мне в Союз писателей принимались молодые литераторы примерно в таком соотношении (это сохраняется и по сию пору) (речь идет о 1989 г. — М.Л.) — десять человек еврейской национальности и один русский... У нас в Ленинграде полное большинство захватили литераторы еврейской национальности». Козлов обращал внимание на решающую роль в этом процессе прозаика Даниила Гранина и поэта Михаила Дудина (женатого на еврейке). Их властью «за восемь лет и были приняты семьдесят человек, из которых только семеро были русскими по национальности» (см. журнал «Ленинградская панорама». 1989. № 11–12).

К слову, сходной была и издательская политика, и не только в Ленинграде, но и в Москве. Вадим Кожинов, рассмотрев деятельность издательства «Советский писатель» за десять лет (с 1981 г.), обнаружил следующее: если разделить издававшихся критиков и литературоведов на две категории — «патриотов-почвенников» и «авангардистов-западников», то «Советский писатель» издавал их в пропорции примерно 1:30. В Ленинграде это соотношение, вероятно, выражалось как 1:60...

Ленинградская писательская организация той поры была форпостом воинствующей русофобии, гнездом еврейского расизма и шовинизма. Хочу подчеркнуть: мы ничего не имели против евреев как таковых. Нас возмущала русофобия, антирусская кадровая политика представителей «малого народа» (напомню — это понятие не имеет жесткой этнической привязки). Однако напомню и выводы И. Шафа-

ревича в его знаменитой работе «Русофобия»: «По-видимому, в жизни “Малого Народа”, обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература “Малого Народа” пропитана точками зрения еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой».

И мы повели борьбу за восстановление справедливости. В нашу инициативную группу входили литераторы П. Выходцев, В. Козлов, Е. Туинов, А. Шевелев, Н. Утехин, А. Стерликов, ваш покорный слуга. Нас энергично поддержали прозаик Сергей Воронин, поэтесса Элида Дубровина, а также Валентин Пикуль, который хотя и жил в Риге, но пребывал в составе Ленинградской писательской организации. Так обозначился еще один период моего рафтинга.

В январе 1989 г. газета «Московский литератор» (в Питере публикация оказалась невозможной) напечатала наше коллективное заявление в секретариат Союза писателей. Мы просили «в порядке эксперимента» зарегистрировать наше литературное объединение как самостоятельное и подчиненное непосредственно республиканскому правлению. Нашу группу мы назвали «Содружество».

С 1934 г., когда был образован Союз писателей СССР, он управлялся авторитарно и имел монолитную организационную структуру. Наша попытка размежевания была первой за 55 прошедших лет. В заявлении группы (написать его поручили мне) говорилось: «В Лен. писательской организации (ЛПО) утвердился и активно действует определенный клан — сплоченная наподобие мафии группа литераторов захватила ключевые позиции в руководстве организации и совершенно деформировала ее работу, преследуя, как правило, узкогрупповые цели, да-

лекие от литературных задач». Мы обращали внимание на то, что «руководящий клан, жестко контролируя себе послушных, одновременно парализует силы значительной группы ленинградских писателей — прежде всего тех, кто отстаивает независимые от клана идейно-творческие позиции».

Мы требовали коренных перемен в кадровой политике — покончить с групповой монополией, а также такой «организации работы Союза, при которой все его члены имели бы равные и реальные права и возможности для реализации своего таланта». Мы протестовали, в сущности, против русофобии, против расовой дискриминации, против нарушений прав русского меньшинства и преследований по национально-этническому и политическим мотивам. Мы жаждали Независимости и Справедливости!

Это заявление стало важным этапом во все более обострившихся русско-еврейских отношениях. Уже один только групповой его характер считался криминальным. В Совдепии сам факт коллективного письма трактовался как вопиющий криминал. Монополию на власть, контроль, решение кадровых вопросов, издательства и СМИ, экономические рычаги — еврейские националисты считали и считают своей естественной привилегией. За 70 лет советского русофобского режима, нередко предоставлявшего детям Израйля вседозволенность, некоторые евреи приобрели особый менталитет, психологию оккупантов («эта страна!»). Поэтому наша попытка вырваться из русофобских цепей, наша «непокорность» (непривычная особенно в Ленинграде) поначалу ошеломила противника, который, придя в себя, оказал бешеное сопротивление.

Нас немедленно обвешали жуткими ярлыками, объявили шовинистами, раскольниками, провокаторами, клеветниками, «раздувателями» межнациональной розни и «дрязг», скандалистами и т.п. Скучно перечислять...

Как и в былые времена, по меткому выражению Станислава Куняева о литературной борьбе 1930-х, «все началось с ярлыков». Было сделано все, чтобы похоронить нашу инициативу. Наше скромное желание равноправия было расценено как наглый бунт на всегда величаво-спокойном писательском корабле.

Мы не знали, чем кончится начатая борьба. Над русскими головами по-прежнему нависала мрачная политическая глыба всесильного ЦК КПСС, руководимого тогда оголтелыми русофобами Яковлевым и Горбачевым. У многих сохранялся привычный, десятилетиями внедрявшийся страх перед кремлевской дубиной, перед спецслужбами (все силы КГБ уходили на слежку и ловлю русских националистов), перед террором со стороны «малого народа». Общая атмосфера общественной жизни была уже достаточно конфликтной.

Цитирую свой дневник от января 1989 г.: «Время кошмарное. Мы вступили в период возрастающего хаоса и погрома. Растет и русско-еврейское противостояние. Видно уже отчетливо, что правительство и ЦК КПСС — на содержании у американского Сиона — и все энергичнее помогают двум процессам: 1. Разграбление страны с одновременным уничтожением природы, среды обитания. 2. Геноцид русских — голодом, измором, отравленной едой, пьянством, нищетой и пр.».

От нас требовалось мужество, патриотическая стойкость, неотступность и твердая воля. События испытывали нас на прочность, гражданскую смелость и политическую бескомпромиссность.

Вскоре из Москвы пожаловала «комиссия» (ох уж эти комиссии — они всегда были универсальным силовым инструментом гос- и партноменклатуры всех времен) во главе с писателем Владимиром Санги — для проверки и умиротворения «конфликта». На 24 января 1989 г. назначили общее

собрание Ленинградской писательской организации. Всем было ясно, что предстоит тяжелое сражение. Я помню, как не хотелось идти на это собрание, терзали мрачные предчувствия, ведь соотношение сил было чудовищно неравным. Некоторые из нашей группы — из песни слова не выкинешь — «заболели», сослались на «острую занятость» и пр. Не хотелось бы думать, что они «сдрейфили».

Снова обращаюсь к своему дневнику, вот моя запись после собрания: «Пришлось идти на это собрание, поскольку приехала комиссия из Москвы, и наше отсутствие истолковали бы как “бегство”. Была вся еврейская орда — человек двести пятьдесят, а нас оказалось всего четверо. Кроме меня — А. Стерликов, Ю. Помозов, Э. Дубровина. Все мы и выступали. Собрание — оно проходило в Белом зале на втором этаже — длилось почти пять часов. В основном страсти бушевали вокруг вопроса — каков полный состав нашей группы, кто еще подписывал заявление. Особенно усердствовали, поджигая собравшихся, А. Нинов, В. Арро, В. Воскобойников, В. Кавторин. Неоднократно с мест раздавались истерические вскрикивания, преимущественно женские (кто именно, разобрать не удалось, я сидел во втором ряду) с такими, к примеру, текстами: “Вы нам прямо скажите, что вам надоели наши жидовские морды”, “что тут рассуждать, разве не известно всем, что Любомудров и другие — органические антисемиты”... и т.п.

На этом беспримерном собрании — такого в своей жизни я не видел еще ни разу — по ярости, ненависти, озлобленности этой ощеренной толпы. Кидались как крысы, лавиной. Нинов потребовал подать на нас в суд за клевету на писательскую организацию. Кавторин заявил: Любомудров — далекий от литературы человек, незаконно протащенный в Союз московской кликой... Мое выступление слушали в гробовой тишине, а после его оконча-

ния в дальних рядах зала даже раздались аплодисменты. Я начал так: “Мы забыли, что мы — люди. Мы забыли, что мы — разные люди. И уважение к различиям, к инакомыслию — норма общежития, мера уважения друг к другу... Мне стыдно, что наше собрание атмосферой более походит на камеру дознания, на застенки, чем на обсуждение, диалог творческих людей, писателей... Впрочем, эта атмосфера, видимо, предопределена еще той казарменно-бюрократической структурой, каковой являлся писательский союз в сталинско-бериевские времена. А форма организации и порождает ее стиль, атмосферу общения...”

Сразу после меня к микрофону бросился журналист Ходоров (из журнала “Нева”), который с неприкрытым злорадством сообщил: “Да, выступление Любомудрова произвело сильное впечатление, но знаете ли вы, уважаемое собрание, что два дня назад на вечере журнала “Наш современник” в Доме культуры железнодорожников Марк Николаевич заявил, что наш город болен эпидемией русофобии”... Мне долго не давали вернуться на свое место, засыпая градом провокационных вопросов: Почему вы выступали на секретариате СП в Москве? Кто еще подписал заявление? Выскочил к трибуне пушкинодомец А. Бритиков: “Вы мне ответьте, кто эта мафия, о которой написано в письме, кто эти люди?”

Все лица искажены злобой и ненавистью, желанием уничтожить и просто убить. Потом выступили А. Стерликов и Ю. Помозов, они говорили о нездоровой атмосфере в организации, о преследовании и дискриминации русских национально мыслящих литераторов. Э. Дубровина говорила на надрыве, тоном вконец замученного человека, который уже на грани гибели или самоубийства. Поскольку ее исповедь (иначе не назовешь) была напряженно-откровенной, произносилась тихим голосом, ее не перебивали, дали до-

сказать до конца» (*конец дневниковой записи*).

Э. Дубровина выступала с такой трагедийной силой, что даже наши «каннибалы» на какой-то момент онемели. Столько скорби и взыскующей справедливости было в ее словах! Ощущалась выстраданность каждой фразы. Она тоже говорила о драматической участи русских литераторов, о несостоявшихся, искусственно заглубленных судьбах, напоминала о нравственных и духовных традициях нашей великой литературы, которые нуждаются в поддержке и развитии. Говорила сердцем, которое разрывалось от боли.

Через месяц состоялось отчетно-выборное собрание Ленинградской писательской организации. Вместо А. Чепурова, которого посчитали, видимо, слишком вялым, «клан» избрал ответственным секретарем В. Арро. Атмосфера в зале имела все тот же характер — местечково-склочный, визгливый и злобный. В выражениях по-прежнему не стеснялись. В. Кавторин, разразившись бранью по адресу «Содружества», прямо заявил, что «надо бить в морду»...

Обращаюсь снова к своему дневнику: «Прения. Первым выступил Сергей Воронин. Выступил мощно: “Я буду говорить о судьбах русских писателей в условиях групповщины...” Довольно скоро его стали перебивать, начался гвалт, шум. Воронин отбивался как лев, — отвечал смело, напористо, энергично. Но тут подоспел “регламент”, и ему так и не дали договорить до конца. Потом выступили представители “Содружества” В. Козлов, Ю. Помозов, Н. Утехин, Е. Туинов, Йоле Станишич и я. Всем нам мешали, заглушали криками и никому не дали договорить, завершить свою речь до конца. Обструкция была истерической. Противник явно потерял равновесие, исходил злобой и клокочущей ненавистью.

Но главную задачу мы, по-видимому, выполнили. Противная сторона сама

себя разоблачила: стало очевидным, что ни на какое мирное “общезитие” с русскими она не пойдет. В президиуме сидели председатель республиканского правления С.В. Михалков, секретарь правления Э.Ю. Зимин, первую половину собрания — секретарь обкома КПСС Ю.А. Денисов» (*конец дневниковой записи*).

В своем выступлении С.В. Михалков по обыкновению пытался лавировать, однако с реверансами в еврейскую сторону. Вот фрагмент его речи: «Я русский с пятнадцатого века. Но как не стыдно сегодня говорить, что кончают самоубийством по вине евреев. Можно договориться до того, что во всем виноваты коммунисты и евреи. Сами виноваты...» Но поскольку Михалков все же юлил, а от него ждали решительного осуждения нашей группы, то вскоре и ему стали орать из зала — «Регламент!». И тоже не дали закончить выступление.

Почти год продолжалась наша борьба. Нападки на «Содружество» не прекращались. Даже и «главный интеллигент» страны Д.С. Лихачев поучаствовал в этом. Сегодня мне очевидно, что дерзость наша была просто невероятной. Мы посягнули на доселе неприкасаемое. Напомню, что сами слова «русский» и «еврей» были строго табуированы режимом. Их произнесение мгновенно наказывалось обвинениями либо в шовинизме, либо в антисемитизме; надо ли пояснять, что запретными они были преимущественно для русских. Понятно и неистовство представителей «малого народа», привыкшего к монополии своей власти, к безнаказанности русофобской позиции — наш отпор оказался для них полной неожиданностью. Прощаться с монополией очень не хотелось. Посягновения на диктатуру «клана» могли показаться катастрофой.

Но все же мы победили. В ноябре 1989 г. пленум Союза писателей РСФСР принял решение «выделить ассоциацию “Содружество” в само-

стоятельную областную Ленинградскую писательскую организацию». Руководство Союза трусило, партийный диктат был еще очень силен. Помню дрожащие пальцы председателя собрания Ю.В. Бондарева — когда, читая, он держал перед собой наше заявление. Я с огромным уважением отношусь к этому выдающемуся писателю, с ним нас связывали достаточно короткие отношения. Но — так было. Мы заставили поставить вопрос о нашей организации на общее голосование. Нас тогда крепко поддерживала русская провинция, писатели В. Распутин, Вас. Белов, Т. Глушкова, Ан. Буйлов и многие другие. Большим перевесом голосов пленум принял решение в нашу пользу.

Были сняты барьеры на путях вступления в Союз талантливых литераторов. Появилась возможность независимо решать вопрос о приеме в Союз достойных людей, близких нам идейно, мировоззренчески, эстетически. Ранее процедура искусственно затягивалась на годы. Имевшие по многу книг и статей, например, А. Ершов, Н. Утехин долгое время не пропускались в организацию. Мое вступление ленинградская организация затянула на семь лет. В конце концов меня приняли решением московского секретариата, помогли мои столичные соратники.

* * *

Наша победа стала важным рубежом в борьбе национал-патриотов с русофобией. Это противоборство становилось все более открытым и результативным. В ряде случаев появилась возможность закреплять успех организационно. В сущности, мы выступили против политического режима, который идеологически был антирусским. И оставался таковым вплоть до его ликвидации в 1991 г. Наш опыт послужил примером некоторым другим писательским организациям, в которых произошло похожее плодотворное размежевание.

Вспоминаю, как возмущало меня то, что редакторы в СМИ и в издательствах неизменно начинали знакомство с твоей рукописью с подсчета того, сколько раз упомянуто в ней слово «русский». Считалось допустимым, если роковое слово встречалось не более двух-трех раз даже на объемную книгу. Довод звучал официозно-непреклонно: «Какие русские? Вы забываете, что мы не русские, а — советские». Подобные свидетельства можно найти и у других писателей. Например, прозаик Ю.С. Скоп, сибиряк по происхождению, возмущался: «В Москве меня прежде всего попытались приучить к забвению собственной русской национальности; в издательствах у меня из рукописей постоянно вычеркивалось слово “русский”... в издательстве “Современник”, например, это слово может присутствовать в рукописи не более трех раз» (см.: Московский литератор. 1988. 5 февраля). С наименьшей категоричностью требовали цитат кого-либо из кремлевских дебилоидов, что-нибудь про «новую общность — советский народ». Вспоминаю про это, и тошнота подступает к горлу...

На собрания, связанные с «расколом», сбегался весь литературный Ленинград. Помню, на упомянутое январское собрание пришел Борис Стругацкий. Сидел во втором ряду, смотрел на все изучающим, холодно-презрительным взглядом. Мы со Стругацким одноклассники, но тогда здороваться друг с другом уже перестали. До конца 1970-х наш школьный класс почти ежегодно собирался вместе. На каком-то этапе Борис перестал ходить на встречи. Разрыва вроде бы и не было, не было и ссор, все произошло естественным образом. Постепенное идейно-политическое размежевание привело нас к разным полюсам.

Не могу не коснуться в этой связи романа братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя», изданного в том же горячем 1989 году.

В одной из глав выведен персонаж по имени Марек Парасюхин. По авторской характеристике (легко предположить) это вариант русского патриота. Марек напевает «Боже, царя храни», в графе «национальность» неизменно пишет «великоросс», предлагает проект «решения национального вопроса в пределах Великой России, с учетом угрожающего размножения инородцев», а также утверждает, что «Третья мировая уже идет... сионизм против всего мира». Разумеется, у этого персонажа «белесовато-бесцветная физиономия... васильковые глаза... белобрысые волосы».

Конфликт между героем романа (от его лица ведется рассказ) и Марекком возникает из-за того, что герою не понравились политические взгляды Марека. Какова же реакция на такое инакомыслие?

Меня, помню, ошеломила та поистине бездонная, неистовая сила ненависти, которую испытывает к Марекку главный герой-повествователь. Он называет Марека мерзкой поганкой, сухой поганой, непотребной тлей, поганой мордой, дрянью, скотиной, не давая тому, как говорится, рта раскрыть. Дело не ограничивается ругательствами. Происходит свирепая физическая расправа. Герой в садистском упоении признается: «Глаза у меня застлало. Отвратительное чувство априорной безнаказанности владело мною». А затем он неожиданно набрасывается на все еще недоумевающего Марека: «Я врезал ему левой между глаз... прицелился вцепиться зубами ему в нос... я швырнул его по лестнице вниз, я гнал его пинками пролет за пролетом... лицо его разбито в кровь, ни единой пуговицы не осталось на пальто... всего-то и надо было, что раздавить мерзкую поганку... я кинулся на него сверху. Убить. Наверное...»

И вся эта звериная кровожадность возникла — так в романе — только из-за того, что Марек — «другой», у него иные, свои «проекты» и убеждения.

У меня родились тогда подозрения, что Борис Натанович вложил в эту сцену расправы над неугодным чужаком и свои мысли и чувства. Здесь — тайна, возможно, восходящая к талмудистской мистике и заповедям, вроде «лучшего из гоев — убей». Невольно вспомнились и бессмертные «Протоколы», и книга В.В. Розанова «Об осязательном и обонятельном отношении евреев к крови». Впрочем, возникала в памяти и беспримерная разнузданность некоторых наших писательских собраний...

Осталось добавить, что в десятом классе, в котором учился Борис Натанович, был только один ученик по имени Марк (польское — Марек) с двухсоставной фамилией. И — припоминаю — я действительно иногда в графе «национальность» писал «великоросс». Я прочел роман уже после наших баталий 1989 года, и ассоциации мои сомкнулись.

* * *

Общественная жизнь продолжала бурно развиваться. Едва ли не важнейшим событием стали выборы депутатов в Верховный Совет СССР (1989). Предложение баллотироваться на повторных выборах по Ленинградскому городскому национально-территориальному округу № 19 было для меня неожиданным. Я долго не соглашался на настойчивые уговоры и нажим, который оказывали на меня друзья. Подписал свое согласие участвовать в выборах поздно ночью, накануне последнего дня регистрации кандидатов.

Мой рафтинг совершил еще один крутой вираж, войдя в зону, опасную своей неизвестностью и непредсказуемостью...

На одну депутатскую вакансию претендовали 34 зарегистрированных претендента. Шансов победить было ничтожно мало. Но я решил использовать возможность получить трибуну на радио и телевидении, которую

предоставляли правила предвыборной борьбы. Составить свою программу мне не представило никакого труда — необходимость патриотического пробуждения русского народа, национального, духовного и культурного возрождения России я с давних пор утверждал и пропагандировал в своих книгах, статьях, докладах. Именно это и привлекло симпатии общественных кругов, выдвинувших меня в депутаты. Моим программным лозунгом стали слова «Возродим Россию!». Мотивы были изложены в предисловии к программе: «Дорогие соотечественники! Россия — наш общий дом — приведена в состояние крайнего разорения, развала и одичания. И никто, кроме нас самих, не выведет Родину из кризиса». Далее я указывал на многолетнюю дискриминацию России и русских во всех сферах жизнедеятельности, включая политику, экономику, науку и культуру. С трудом удалось опубликовать мои тезисы в газете «Смена» (1989, 11 мая).

Не буду перечислять всего «пакета» моих предложений. Укажу на те, которые касались национального вопроса. Именно они тотчас вызвали ожесточенную полемику. Я требовал: «Исправить все перекосы в национальной политике. Воспитывать уважение народов друг к другу. Соблюдать принцип пропорционального представительства наций на всех уровнях, начиная от низкооплачиваемых физически тяжелых работ и кончая сферой управления. Восстановить справедливое, пропорциональное представительство наций в органах массовой информации (газеты, журналы, радио, ТВ), при приеме на учебу, в сферах культуры и искусства, в области формирования научных и творческих кадров, их подготовке и аттестации».

Особо важным я считал следующий пункт: «Противодействовать открытой и завуалированной пропаганде русофобии, прикрывающейся лозунгом

“борьбы с национализмом и шовинизмом”».

Призывал еще «пересмотреть практику искусственного перемещения народов, административно-командное заселение коренных русских областей в центральной и северо-западной России представителями южных и среднеазиатских республик, что отрицательно сказывается на жизни и коренных жителей, и переселенцев». Так что миграционная замена населения началась еще с начала 70-х годов, когда эшелоны с южанами были двинуты на Русь. Не Ельцин–Путин придумали эту антирусскую диверсию, а советники Брежнева, которые все были из «пятой колонны»...

В трехдневных теледебатах каждому было дано по 5 минут, всего — 15. Два дня выступления транслировались и на Москву. На третий — московский канал был перекрыт. К общему стыду, о России, о русских интересах не вспомнил почти никто из 34 ораторов... На это обратил внимание один из кандидатов, инженер А. Пыжов. Выступая, он задал вопрос: «Почему на выборах по национальному округу никто из претендентов, кроме Любомудрова, не выдвинул национальной программы, отвечающей специфическим заботам России?»

По подсчету оргкомитета к концу третьего дня теледебатов студия приняла 1400 телеграмм и более 600 телефонограмм. Из них 205 были адресованы мне. Моя программа привлекла повышенное внимание. Один из характерных вопросов звучал так: «В своей программе Вы упоминаете об опасности русофобии — что это такое и как проявляется, назовите имена русофобов». Пришлось разъяснять. Наиболее бурные отклики вызвал тезис о национально-пропорциональном представительстве, — возмущение и грозные окрики одних и энергичная поддержка со стороны других. Как мы знаем, и сегодня, почти через четверть века подобное требование порождает

мгновенный и яростный протест у русоненавистников.

В последние минуты теледебатов я получил две телеграммы, которые мне особенно дороги. Привожу их полностью. Первая: «Ваш голос — это не глас вопиющего в пустыне. Мы Вас слышим. Ленинградцы». И вторая: «Марк Николаевич, спасибо, что Вы подняли голос в защиту русского народа. Я полька, выросла в России. Мне больно, как оскорбляют, незаслуженно обвиняют русских другие народы СССР. Русские всегда были интернационалистами, добрыми, терпеливыми. Сами досыта не ели, помогали другим. Сейчас РСФСР самая бедная республика. Добивайтесь возрождения России. РСФСР пора преобразовать в Российскую Советскую Социалистическую Республику со своей столицей и самостоятельным правительством. Надо поставить Россию в равноправные условия с другими республиками. Огласите мою телеграмму. Нейфельд Нинель Яновна. Участник Великой Отечественной войны. Дочь польского интернационалиста».

По итогам голосования победил с очень большим отрывом юрист Н.В. Иванов. В народе тогда была сильна иллюзия — страну спасут адвокаты, правоведы, милиционеры... Кандидаты народно-патриотической ориентации (вместе со мной их оказалось девять) собрали в совокупности 12,36 процента голосов. Социологи Ленинградского университета провели свой анализ итогов — исследовали участок, где избирателями были студенты и аспиранты. Результат: «Сторонники развития не только малых, но и больших наций, включая возрождение русской культуры, — В.А. Ефимов, М.Н. Любомудров, И.В. Красавин и др. — были поддержаны около 5 процентами избирателей».

Ох уж эти пять процентов! На протяжении всего XX века самые самоотверженные, жертвенно служившие России ратоборцы ни разу не смогли обратить на выборах у русского на-

рода более пяти процентов голосов. Брагам Родины пришлось потрудиться несколько веков, чтобы достичь столь ошеломляющего результата.

* * *

1990-е явились свидетелями невероятного торжества русофобии. Опереточные кунштюки ГКЧП, государственный переворот Ельцина. Разгон Съезда народных депутатов СССР, беловежские соглашения. Рыночная революция цен после гайдаровских реформ, грабительская приватизация по Чубайсу. И кульминация — расстрел законной и худо-бедно, но русской власти в октябре 1993 г.

Тогда, в конце сентября, я несколько дней провел в «Белом доме» среди своих друзей — писателей и журналистов. 4 октября я был в Ленинграде и расстрел смотрел по телевизионной трансляции. Почти сразу же написал статью — «Россия на кресте», где есть и такие строки: «Было ощущение, что стреляют в меня, стреляют в Родину. Ведь так случилось, что волею судеб “Белый дом” стал ее олицетворением. Незабываемая трагическая картина. Кадры хроники садистского ритуального жертвоприношения, хладнокровного убийства русских людей, осажденных в здании».

Президиум Верховного Совета РФ накануне точно определил происходившее: «Президент пошел на крайние, заранее запланированные действия по свержению конституционного строя и свертыванию демократии. В России совершен государственный переворот, введен режим личной власти Президента, диктатуры мафиозных кланов и его проворовавшегося окружения». В сущности, в стране установилась диктатура русофобии, против русского народа был развязан жесточайший террор.

Русофобия... Весь XX и начало XXI века прошли под знаком оголтелой, свирепой русофобии. Говоря словами Зб. Бжезинского, «русские — лишний народ». И судя по всему, этот приго-

вор мировой закулисы окончательный и обжалованию не подлежит.

Чтобы воссоздать исторический контекст, вынужден повторить свои ответы на вопросы журнала «Русский дом» (июнь 1998).

«— Каково нынешнее положение России и на чем основывается Ваша оценка?»

— Третья мировая война продолжается, война всех сил мирового зла против России. Это психотронная, информационная война прежде всего. Цель наших врагов — геноцид русского народа и ограбление страны. Международной иудео-масонской олигархии вкупе с штурмовыми отрядами “малого народа” внутри государства удалось достичь ошеломляющих успехов: захвачена центральная власть, все средства массовой информации (т.е. оружие массового поражения); в руки противника попали все национальные богатства страны, взяты под контроль и в значительной степени разоружены армия и военно-промышленный комплекс. Русская земля подверглась неслыханному грабежу и разорению. Безостановочно усиливается политика агрессивного вымаривания населения. Россия переживает самую страшную в своей истории катастрофу».

Тогда же я высказал свой прогноз на «ближайшее будущее» (таков был еще один вопрос журнала): «Мы должны быть готовы к еще более тяжким испытаниям. Неизбежно дальнейшее развитие кризиса, финансовый крах государства, девальвация рубля и т.п. Правящая клика, упившись кровью и золотом, уже не может остановиться (как всякий вампир) в своей страсти к наживе и человеческим жертвоприношениям (геноцид!). Поэтому в высшей степени наивно и глупо ждать каких-то “улучшений”. Разбой будет продол-

жаться. Если не вмешается Господь, это может затянуться на годы... Вряд ли народ решится на вооруженное сопротивление. В русском населении все еще слишком много безбожников и трусов... За последние десять лет я не знаю почти ни одного серьезного законодательного решения в пользу русского народа. Уповать на благодеяния “карманно-оппозиционных” Совета Федерации и Думы не приходится».

За минувшие пятнадцать лет многое ли изменилось? Я готов повториться. Правда, были и знаковые события, вектор противостояния русских русофобскому режиму стал более отчетливым, множились примеры стихийно возникающего отпора антирусскому террору: Кондопога, Харагун, Сагра и др.

Наиболее внятно пафос справедливости, национального достоинства, чести и свободы выразился в лозунгах молодежного авангарда, вышедшего на Манежную площадь в памятный день 11 декабря 2010 года: «Москва — русский город», «Россия для русских», «Русским в России — русскую власть», «Путин, уйди сам!» и т.п. Если это не проект «русской идеи», то достойная основа для русской, точнее — великорусской национальной идеологии. И все яснее прорисовывается мятежный «Русский ответ» на «Русский вопрос», главнее которого сегодня нет ничего.

Сегодня русофобия переживает очередной виток своего подъема. Одно из многих свидетельств тому — очень содержательная и беспощадная статья Вл. Бондаренко «Антирусская культура» (Завтра. 2013. № 8), в которой он обличает Кремль и его поделщиков в «осознанном тотальном разрушении нашей национальной культуры».

И мой рафтинг продолжается... Кондопогу и Манежную мы не забыли.